

Е.В. Пчелов, к.и.н., Москва

ГЕРАЛЬДИСТ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Рубеж XIX-XX вв. - время, приходящееся на период правления Николая II в истории русской культуры образно и вполне справедливо называют «серебряным веком». Тогда в литературном творчестве и изобразительном искусстве появились совершенно новые, неожиданно интересные и художественно оригинальные стили и направления. Поэтический символизм, изящный модерн, «хтонический» неорусский стиль, брутальная эклектика и т.д. и т.п. - целый взрыв удивительных проявлений творческого начала, потрясающее многообразие культурных феноменов, замечательное созвездие имён.

Это время Валентина Серова и Михаила Нестерова, Паоло Трубецкого и Леопольда Бернштама, Романа Клейна и Фёдора Шехтеля... Но вместе с рождавшимся новым возникал и глубокий интерес к прошлому - в том числе и к прошлому недавнему, старой, «дореформенной» России - Империи XVIII - начала XIX вв. Ностальгирующий эскапизм перед лицом надвигающейся технократической цивилизации, щемящий пассаизм от смутного желания удержать дух прошлого, найти в нём точки опоры и сохранить его - привели к настоящему ренессансу культуры эпохи галантных празднеств и рокальных интерьеров; старинных усадеб и фамильных портретов; вееров, фарфора, табакерок, экслибрисов и гербов¹. Недаром именно в те годы создаётся удивительное объединение «Мир искусства», где А.Н. Бенуа, Е.Е. Лансере и К.А. Сомов обращаются к сюжетам XVIII века, издаются журналы «Старые годы» и «Столица и усадьба», где печатают свои работы такие искусствоведы как барон Н.Н. Врангель (брат будущего главкома) и Г.К. Лукомский (брат героя нашей статьи), открывается уникальная выставка русских портретов, устроенная С.П. Дягилевым и вернувшая обществу имена забытых художников прошлого, Рокотова например, а великий князь Николай Михайлович публикует свой непревзойдённый многотомник по русскому портретному искусству. Станислав Жуковский переносит мир русской усадьбы на холст, а Иван Алексеевич Бунин, последний великий классик русской литературы, с горечью оставляет нам образ прошлого в строках своих произведений.

Тогда одним из центров русского искусства в разных его проявлениях становится Императорский Эрмитаж, где в пред- и послереволюционные годы работают и А.Н. Бенуа (заведующий Картинной галереей), и С.Н. Тройницкий (первый послереволюционный директор Эрмитажа), и Э.К. Липгарт (прекрасный портретист и не менее превосходный «декоратор», оформлявший в частности коронационные торжества), и О.Э. Браз (один из наиболее ярких «мирискусников» и один из хранителей Картинной галереи), и В.Я. Адарюков, и барон А.Е. Фелькерзам, и многие, многие другие².

В этот момент, переломный и сложный, переживает новое рождение геральдика, тогда, безусловно, не только наука, но и искусство. Достаточно сказать, что свой след оставили в ней такие художники, как Н.К. Рерих и И.Я. Билибин, О.А. Шарлемань и В.Я. Чемберс (кстати, брат первой жены Билибина), Георгий Иванович Нарбут, коего так высоко ценил Лукомский - вклад каждого из них в русскую геральдику ещё ждёт своего исследователя. Но подлинным рыцарем геральдики, утончённым аристократом (со всеми вытекающими отсюда последствиями как в плане характера (сдержанность и некоторая сложность в общении), так и в плане дальнейшей судьбы), практиком и теоретиком этой области отечественной культуры был в те годы, бесспорно, Владислав Крескентьевич Лукомский.

Научное исследование его жизни и творчества, осознание значения его трудов для исторической науки ещё только начинается. Большой вклад в этот процесс внёс своими работами один из ведущих современных учёных-геральдистов И.В. Борисов. И вот в начале 2002 г. увидела свет его новая книга, на этот раз полностью посвящённая Лукомскому. Она так и называется «В.К. Лукомский. Неизвестные работы» (М., изд-во «Территория», 2002. 156 с.). По сути это публикация некоторых трудов Лукомского, которые автору удалось обнаружить в разных архивных хранилищах и которые посвящены не только геральдике, но и вексиллологии, униформологии и фалеристике. Такой подбор лишний раз подчёркивает многообразие научных интересов Лукомского, занимавшегося не только вспомогательными историческими дисциплинами, но и бывшего талантливым искусствоведом - эта последняя сторона его деятельности совсем малоизвестна, а ведь в послереволюционные годы он в качестве эксперта привлекался для разбора портретных собраний, оставшихся от «старого мира».

Широкий культурный кругозор Лукомского обуславливался, конечно, и воспитанием в дворянской среде, и геральдикой, как областью профессиональных занятий. В коллекции самого Владислава Крескентьевича находились и печати, и экслибрисы, и фарфор - словом, самые разные «носители», на которых имелись гербы. Поэтому интерес к геральдике неизбежно рождал интерес и ко многим другим проявлениям культуры - это хороший пример всем современным геральдистам и специалистам в области вспомогательных исторических дисциплин. Заниматься той же геральдикой без всесторонних и широких знаний в области искусства успешно, думается, вряд ли возможно, ибо геральдика, как уже говорилось, сама по себе искусство. Поэтому странно иной раз видеть «геральдистов», которые рассматривают гербы вне общекультурного контекста, подменяя глубокий, в том числе и искусствоведческий, анализ формальным описательством. Совсем не таким был Лукомский. Он потому и пользовался славой непревзойдённого знатока геральдики, что мог атрибутировать и старинный фамильный портрет, и фарфоровую табакерку, и редкое книжное издание. Он не был что называется «узким специалистом», как принято нынче, он чувствовал широкие связи геральдики со многими явлениями человеческой культуры и мыслил геральдику как своеобразный метаязык культуры, с помощью которого можно прояснить самые разные исследовательские проблемы.

Книга открывается предисловием Е.И. Каменцевой, в своё время лично знавшей В.К. Лукомского. Кстати, было бы чрезвычайно интересно собрать воспоминания о Лукомском тех, кто его ещё помнит, а таких людей осталось совсем немного. Далее И.В. Борисов в двух статьях «Архивные материалы о жизни и деятельности В.К. Лукомского» и «В.К. Лукомский в письмах» рисует нам живой образ знаменитого геральдиста, преимущественно в его последний, «московский» период жизни. У Лукомского, конечно, была нелёгкая судьба после 1917 г. Но он тем не менее смог каким-то образом найти себя в новой жизни, хотя, разумеется, не мог не видеть постепенного «затухания» того дела, которому служил. И.В. Борисов раскрывает многие, ранее неизвестные страницы биографии учёного. Например, взаимоотношения с младшим братом Георгием, эмигрировавшим из страны. После войны Владислав Крескентьевич очень хотел встретиться с ним, но за границу его не пускали, а Георгий приезжать в Советский Союз не собирался. И.В. Борисов видит в этом «прагматизм и расчётливость». Но не надо забывать судьбу тех, кто добровольно возвращался в СССР в послевоенные годы. Не думаю, что у Георгия Крескентьевича были какие-то иллюзии по этому поводу. Конечно, в тех условиях встреча братьев вряд ли вообще могла состояться.

Автор книги привлёк большой архивный материал, в том числе из Российского государственного исторического архива и других документальных хранилищ, что сделало его работу информационно насыщенной и очень интересной. Так, всесторонне характеризуется деятельность Лукомского в постреволюционный период - та огромная работа, которую он проводил и которая, наверно, служила способом защиты от жизненных сложностей. Личность Лукомского, его зачастую непростой характер лучше всего раскрываются в переписке.

В статье Борисова приводятся многочисленные выдержки из писем Лукомского своим коллегам, знакомым и друзьям, к числу которых относились семьи петербуржца М.И. Рославлева и москвича И.Я. Гремиславского. Читатель найдёт здесь и интересную фактологию научных консультаций, и бытовые подробности жизни тех лет, в том числе и в блокадном Ленинграде. И.В. Борисов убедительно показывает, насколько сложно было Лукомскому расстаться с городом, с которым связана вся его биография, и как непросто складывалась жизнь в Москве. Как профессор Историко-архивного института, Лукомский с головой погрузился в любимую работу, но был его так до конца дней и остался неустроенным. Погибли уникальные коллекции, всё приходилось начинать сначала, а точнее продолжать «хрупкое» дело геральдики в новых исторических условиях - и честь и хвала кафедре вспомогательных исторических дисциплин, приютившей Лукомского.

Далее в книге даётся описание проектов гербов, составленных Лукомским в бытность его управляющим Гербовым отделением департамента Герольдии Правительствующего Сената (1914-1917 гг.). Этот материал позволяет понять как работал Лукомский, какими принципами руководствовался, «сочиняя» новый герб.

К сожалению, далеко не все эмблемы в описаниях расшифрованы (например, «Эмблемы в гербе дворян Любарских взяты с печатей, которыми пользовались представители этого рода» - а какие, непонятно), но тем не менее сам по себе этот перечень - ценный источник, раскрывающий «творческую лабораторию» герботворчества предреволюционного времени - последнего, на долгие годы, периода практической геральдики в России. Затем следует ещё ряд очень полезных материалов: «Замечания на рисунок Императорского Морского Стандарта» (о дискуссии 1856 г., связанной с разработкой системы государственной геральдики империи); содержательная «Библиография по истории форменной одежды»; ёмкая, но очень информативная статья «Правила ношения орденов в царской России и СССР», и наконец, один из вариантов работы «Герб как исторический источник», одной из самых известных статей Лукомского советского времени. Униформологический и фалеристический справочники создавались Лукомским для конкретных целей - для сценической лаборатории МХАТа, чтобы помочь в «правильности» театральных постановок, освободив их от бессистемного и бессмысленного нагромождения невиданных форм одежды или «условных» орденов и медалей (что, кстати, сейчас в театре и кино стало практически повсеместным).

Но эти материалы не утратили своего значения и до сих пор, их краткость и ясность изложения делают эти статьи незаменимыми справочными пособиями для всех, касающихся вопросов униформологии и фалеристики. Статья «Герб как исторический источник» носит во многом теоретический и методологический характер (примечательно разделение Лукомским понятия герба в «широком» и «узком» смысле этого слова), а также намечает дальнейшие пути развития геральдики в тогдашнем Советском Союзе, как бы общий план геральдических работ, увы, так и не осуществлённый, во многом из-за преждевременной кончины самого Лукомского. Умер Лукомский - уникальный специалист, и в отечественной геральдической науке образовалась огромная брешь, которая начала «затягиваться» лишь с начала 1960-х годов преимущественно стараниями сотрудников кафедры, на которой он работал в последние годы жизни. И не случайно сам автор книги тоже принадлежит к школе этой кафедры, своими работами отдавая долг нашим великим предшественникам на геральдическом поприще.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Когда в 1931 г. в ходе очередной чистки выгоняли из Эрмитажа блестящего искусствоведа С.Н. Тройницкого (одного из основателей журнала «Гербовед»), ему ставилась в вину и «незначительность научных занятий: геральдика, табакерки, веера» (*Вилинбахов Г.В.* Сергей Николаевич Тройницкий. Материалы к биографии // Геральдика. Материалы конференции «10 лет восстановления геральдической службы России». СПб., 2002. С. 181.

² Об Эрмитаже в те годы см. замечательную книгу Б.Б. Пиотровского «История Эрмитажа. Краткий очерк. Материалы и документы» М., 2000.

Желающих приобрести книгу просим обращаться к издателю по адресу:
142432, Московская обл., Ногинский р-н, г. Черноголовка, ИСМАН, «Территория»,
Николаеву Борису Александровичу. Тел. (095) 962-61-74, (09652) 4-63-66.